

Салимьян БАДРЕТДИНОВ

Благословленный

Рассказ

За хлопотами и не заметишь, как быстро бежит время, а солнце уже над самой головой — наступил полдень. Миннихмет, спустившись к роднику, с переливчатым журчанием протекающему через пасеку, ковшиком наполнил чайник прозрачно-серебристой водой. Поднявшись наверх, повесил его на таганок над костром, где уже вовсю полыхали сухие ветки. И летний лес, и поляна с вереницей ульев были наполнены благоуханьем — пахло душистым медом. Какие-то невидимые птички перекликались друг с другом. Какая умиротворяющая прелесть!.. Не сдержав внезапно нахлынувших чувств, Миннихмет запел:

Пой, джигит, пусть голос твой зазвенит
По долинам вдоль Урала.
Где же, где поет чудный соловей:
Милы ему реки и луга.

И в нем самом поселился дух соловьиный, этот неиссякаемый источник вдохновенья — извечный зов к песне. И ведь даже пчелы поют по-своему, восхищаясь красотой светлого дня, радуясь изобилию нектара в цветах. Как им не петь: только позавчера окрестные луга были окроплены теплым дождиком. Эти чудесные твари божьи всегда стремятся к свету, летят в направлении к востоку, неизменно находя нежные соцветия в красивых лугах. А ведь иные из людишек предпочитают темноту. Вот так странновато устроен человек: пока молодой пасечник наслаждался горячим чаем со свежим медом, а затем наполнял дымарь порцией сухих гнилушек, подобные мысли не покидали его. Хорошо еще, что не было особой нужды в спешке: пока нектар в изобилии, пчелы перестают роиться, без усталости вылетая в цветущие луга.

Подойдя к очередному улью, Миннихмет впустил немного дыма в леток, снял крышку пчелиного домика и положил рядышком. Слегка приоткрыв льняное покрывало, насквозь пропитанное пчелиным клеем, тут же еще немножко поддал дыму вовнутрь улья. Осторожно сдвинув с места первую раму, вынул ее и, приподняв над ульем обеими руками, взглянул на соты. Они уже были почти донизу заполнены медом и запечатаны. Запечатанный в сотах мед — спелый и качественный. Приспустив раму обратно в улей, пчеловод легкими движениями рук, ритмично постукивая нижней стороной ладоней по краям улья, стряхнул пчел в улей, а окончательно соты были очищены от них пучком мягкой травы. Отобранные для скачивания меда рамы он занес в летний домик, специальным искривленным тонким ножиком срезал белесую восковую печать с сот, то и дело согреть нож в миске с горячей водой. Поместив рамы в сетчатую конструкцию медогонки, начал крутить за ручку этот нехитрый аппарат, постепенно увеличивая обороты. Сочные, целебные капельки меда с приятным шумом застучали по стенкам медогонки...

Пока он скачивал таким образом мед из трех ульев и ставил пустые рамы обратно на свои места, потускневшее солнце оказалось у самого краешка неба. Завершив свои дела, Миннихмет ступил на тропинку, ведущую в деревню.

Уже и стадо вернулось, но деревня в этот вечер как-то странно притихла, вызывая необъяснимую тревогу. Когда Миннихмет зашел в свой дворик, его суженая с красивым именем Магисарвар доила корову. Услышав шаги, она оглянулась на мужа. А у самой глаза полны слез.

- Что случилось, почему ты плачешь? Может Мавлиза упала и ушиблась?
- Нет... Она спит в колыбели.

— По мне успела соскучиться?

— Не шути, пожалуйста, не время. Война началась, говорят, немцы напали...

У Миннихмета сердце ёкнуло. Всего-то два года прошло, как поженились и стали жить вместе с благоверной. Магисарвар хоть и двадцать четыре года, но вся такая худенькая, выглядит совсем девчонкой. Если его отправят на фронт, то как же она справится одна, да и еще с малюткой? Ведь она и сама осталась сиротой в годовалом возрасте, когда мать померла. И брат ее Зайнетдин одним из первых попадет под мобилизацию.

Молча зашли в свой маленький домик. Миннихмет взглянул на спящую дочку, и у него непроизвольно прослезилась глаза. И вновь, как там, на пасеке, промелькнули те же мысли: почему же род людской не стремится к свету, как пчелы, а предпочитает тьму? Почему люди так и не научились ценить по-настоящему спокойную, мирную жизнь, и жажда чужой крови затмевает им глаза?..

Молодых мужчин одного за другим стали отправлять на фронт. И юные невесты, и только-только нашедшие своих суженых девушки на выданье с грустными песнями провожали любимых, и только ночной тьме было ведомо, как мокли от материнских слез подушки. Очередь дошла и до Миннихмета. Вызвали его в правление колхоза, где было велено срочно передать пасеку одному из деревенских стариков.

Грустно, оказывается, оставлять ремесло, к которому давно уже прикипел душой. Еще юным, но смышленным отроком, имея за плечом начальное образование, которое сумел получить всего за два неполных года, освоил профессию пчеловода на сельскохозяйственных курсах. С тех пор его стараниями коллективное хозяйство было обеспечено медом, после выполнения годового плана мед выдавали и рядовым колхозникам. Молодой пасечник хорошо понимал, что целебный пчелиный продукт придавал сородичам жизненную энергию, укреплял их здоровье, поднимал настроение, вызывая желание жить и творить, как это делают его любимые пчелы. Миннихмет поспешил на пасеку. Обошел ее вдоль и поперек, постоял почти у каждого улья:

— Ну, прощайте, пчелы мои! Набирайтесь новых сил, роитесь и расселяйтесь, размножайтесь, продолжайте род свой пчелиный, и пусть крылышки ваши не устанут никогда! Поднимаясь в небо, пролетая над родными просторами, и мне пожелайте благополучия. Ваше благословение сбережет меня, и не сгину я в огненном смерче, останусь жив. Я вернусь...

И послышалось ему дружное гудение пчелиных роев, как будто его обращение и просьбы были поняты и приняты ими. У пчел ведь тоже душа живая, и сказанное им чувствуют через вибрацию звучащего слова. И совсем не чудно, что Миннихмет всегда разговаривает с ними.

* * *

Вечером, как и в стародавние времена, по улицам деревеньки Идрисово из конца в конец прошлись джигиты, под гармошку распевая известные рекрутские песни:

Не обессудьте, деды наши,
Громко песни мы поем.
Нам уехать, вам остаться —
Ведь так было испокон.
Завтра в путь-дорогу нам,
Навалимся на врага.

Живы будем — так вернемся,
Земля родная дорога.
Ах, далека путь-дорога —
Ждут нас темные леса.
Свидимся когда-нибудь,
Если изволят небеса.
Уйдем и мы, улицы стихнут,
Злата и шелка нам не жаль.
Расстаемся — больно сердцу,
Как нам вынести печаль?

Да, невыносимо тяжело на душе от горечи расставания! И уезжающим, и остающимся... Деревня окутана печалью. Хочешь или нет, думается и о том, что многим не удастся вернуться в родной дом, и это неимоверно отягощает сердца. Для кого-то ведь это станет последним прощанием...

Старики торопятся высказать свои пожелания и советы:

— В бою ранения неизбежны, война не бывает без жертв. Постарайтесь, сынки, быть осмотрительными и осторожными.

— Береженого Бог сам сбережет.

— Где попало не высовывайтесь. Будьте бдительными!

— Возвращайтесь живыми и с победой!

Старушки, беззвучно шевеля губами, читали молитвы, благословляя внуков перед дальней и смертельно опасной дорогой. А Миннихмета беспокоило не столько предстоящее ему самому, сколько судьба Магисарвар и маленькой дочурки. Как они выживут в условиях военного времени? Вся надежда на родных сестер.

— Сестры мои, не оставляйте, пожалуйста, невестку свою на произвол судьбы. Помогайте ей, как сможете, — просил он своих близких.

— Да не беспокойся ты за нее так, ведь и у нас не камень вместо сердца... Поможем с заготовкой сена для коровы и овец, голодать не будет, — ответили те.

Запряженные конные повозки одна за другой повернули к дороге, ведущей в районный центр. Провожающие еще долго махали платками. Когда доехали до вершины хребта, откуда еще была видна панорама родной деревни, кто-то из отъезжающих запел прощальную песню:

На пригорке “Уськайын”
Потерял уздечку я,
Нет, уздечку мне не жаль,
О родине моя печаль...
Э-э-э-й, моя печаль...

В военном комиссариате медкомиссия провела проверку годности мобилизованных мужчин к военной службе. Председатель комиссии, записывая в документ свое заключение по Миннихмету, сказал вслух: “Не годен к строевой службе по состоянию здоровья”. А вслед за ним мрачноватый военком с тяжелым взглядом отрывисто и резко объявил свое решение:

— Из-за плохого зрения сегодня же будешь отправлен в трудармию.

— А разве такая армия существует?

— Существует. Молчать! — Было заметно, что комиссар разгневан любопытством мобилизованного. — Придется тебе исполнять свой долг перед Родиной на трудовом фронте.

Их повезли из Оренбурга по железной дороге в город Орск, расположенный на южных отрогах Уральских гор при слиянии рек Орь и Яик. Над городом высились купола церквей, были видны и минареты мечетей.

Разместились в степи близ города в палатках. Стали расспрашивать друг у друга, кто знает эти места, и чем они здесь будут заняты. Один из собеседников оказался осведомленным человеком, хорошо знающим эту местность. Убедившись, что никого из посторонних тут нет, он поделился с товарищами своими сведениями:

— Вокзал, куда мы прибыли, был построен военнопленными немцами и словаками в годы прошлой войны. Здесь работает мощный нефтеперерабатывающий завод, из предприятий цветной металлургии — никелевый комбинат. Говорят, чтобы не достались захватчикам, сюда перевезут из западных областей заводы военного назначения, другие важные предприятия, рабочих, а также представителей “неблагонадежных национальностей” — немцев, румын, венгров, финнов, эстонцев, ожидается прибытие раненых в военные госпитали. Уже в первый месяц войны здесь было открыто три госпиталя. Людей надо где-то разместить. А в самом Орске еще до войны обеспечение жильем было очень плохим...

Да, видать, о многом знал этот человек. И не побоялся малознакомым товарищам рассказывать такое, о чем мало кому известно. А его сведения оказались верными — как стаи перелетных птиц, сюда потоками прибывали сотни, тысячи людей. У многих не имелось ни сносной одежды, ни еды, ни каких-либо возможностей для проживания. Скоро начнутся холодные осенние дожди, затем и снег пойдет, нагрянут холода. Людям нужно иметь хотя бы некое подобие берлоги, ведь даже земные твари готовятся к зиме, прорывая в земле свои норки.

Из мобилизованных в трудармию создали строительные отряды. Выявив тех, кто владеет промышленными специальностями, отдельными бригадами отправляли строить цеха и возводить корпуса заводов на площадках, где работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Сельским парням, подобно Миннихмету, раздали привычные для них инструменты, как штыковые и совковые лопаты, ломы, пилы, топоры, поручив строить землянки, бараки, саманные дома, в больших деревянных ящиках замешивая глину с соломой. В огромном людском котле смешались все: русские, хохлы, казахи, башкиры, татары, мордва...

Ежедневно, без каких-либо выходных, с утра до наступления сумерек копали ямы, выворачивали камни, выбрасывая наверх тяжелый каменистый песок и глину. Оказалось, что несложный на первый взгляд труд землекопа постепенно отнимает последние силы, к вечеру все тело становится свинцовым, каждое движение отдается болью, в глазах темнеет. Тяжело нагибаться, руки и ноги каменеют, многие даже без посторонней помощи не могут выбраться из ямы. И у Миннихмета к вечеру руки-ноги немеют, а сердце пробирает неудержимая дрожь, как будто оно готово выскочить из исхудавшего тела. Кажется, что боль в мышцах и слабость уже никогда не покинут их. И все это от того, что кормили трудармейцев хуже некуда. Кроме щей из кислой капусты и двух кусков ржаного хлеба им ничего съестного не давали. Чувство голода преследовало неотступно. Дойдя до своих землянок, падали на соломенные матрасы как срубленные деревья и лежали без движения. А утром каким-то необъяснимым чудом вновь отправлялись на работу.

Лагерь трудармейцев напоминал муравейник: одни копали большие ямы, вторые таскали бревна, доски, третьи сооружали крыши землянок, четвертые

придelvesывали внутри них лежанки, расположенные друг над другом... Когда пошли осенние дожди, стало еще хуже: одежда быстро промокала, а сушить ее не было никакой возможности. Многих стала одолевать надрывная кашель. Однако это было лишь началом их скудного и жестокого бытия. Внезапно резко похолодало, трескучие морозы обдали округу своим зловещим дыханием. Плевков замерзает на лету. Хлесткий ветер пронизывает до костей. Даже местный люд удивляется:

— Всю жизнь здесь прожили, а такой морозной зимы не помним. Видать, проклятье войны и природу ужесточает...

Голод и, как говорят русские, “собачий” холод, казалось, высасывали у людей последние силы, изнурая их день ото дня. Хорошо, что земляк Миннихмета оказался проворным и мастеровитым малым. Где-то достав изрядный кусок олова, стал из него сливать ложечки, меняя затем их у горожан на рыбу или другую еду. Так они перебивались, хоть немного сбивая голодуху. А в лагере уже люди стали умирать, не выдержав тяжелых условий существования.

В один из морозных зимних дней бригадир молча повел их строем в сторону города. Ходили из госпиталя в госпиталь, собирая умерших от тяжелых ранений. Затем привезли их к большой, как скотомогильник, яме. Земля что лед, промерзла сильно. Кое-как присыпали трупы тонким слоем мерзлой почвы. У Миннихмета душа изнывала от горечи: “Отчего Господь так немилосерден к нам? Неужели так нагрешили в жизни своей, что нет прощения? Грешны мы, грешны, и уроков из происходящего не извлекаем...” А их поджидали впереди новые испытания, суровее и опаснее прежних...

Ранней весной произошло бедствие, которое в этих местах ранее не наблюдалось в течение столетий. Случилось невиданное половодье, Яик разлился по степи на большие расстояния, прибрежные поселки, весь старый город были затоплены бурлящими потоками, которые смыли с лица земли сотни домов; быстро несущиеся льды разрушили железнодорожный мост, была размыта дамба, упали столбы электролиний, остановились заводы, никелевый комбинат. На ликвидацию последствий потопа бросили всех, даже представителей “неблагонадежных национальностей” допускали на запретные им ранее территории. Ни отдыха, ни сна никто не знал. Общими усилиями восстановили заводы, вновь начали ходить поезда. А верующие меж собой по-своему объясняли причину невиданного доселе потопа:

— Разве можно безвинных людей признавать неблагонадежными, изгонять их с малыми детьми с родных очагов, подвергать неза заслуженному и жестокому преследованию? Унижение и притеснение безгрешных не могут оставаться без последствий. Плач их сердец, их проклятья возвращаются сторицей, неся нам бедствия и болезни. Так Господь наказывает своих неверных рабов, именно так...

Говорят, пришла беда — отворяй ворота. Ее безжалостные клешни всегда готовы сомкнуться на тонких шеях несчастных, лишая их последней надежды на выживание. В лагере, все еще оживленно гудящем, как пчелиный рой, началась эпидемия. Нужных лекарств для лечения обессиленных людей не было, и они умирали, словно мухи. По утрам выносили из землянок умерших ночью трудармейцев, складывали рядами на тележки и увозили, чтобы навечно зарыть в сырую землю. И Миннихмета не обошла коварная болезнь. Часами неподвижно лежал он в своем углу, перестал принимать пищу.

— Судорога бьет меня. Если помру здесь, не забудь заехать в Идрисово, чтоб передать жене и родным последний привет от меня, — тяжело вздыхая,

обратился Миннихмет к своему другу. А тот всячески старался приободрить больного, пробуждая в нем стремление к выздоровлению:

— Не думай, дружок, о плохом, это только вредит тебе. Вот мать моя всю жизнь лечила сельчан от разных болезней, даже от холеры спасала. “Того, кто прошел через семь сражений, и холера не возьмет”, — говаривала она. И меня она с детства научила секретам лечения. И тебя, друга своего, уж как-нибудь спасу!

Товарищ его сходил в ближайший поселок и раздобыл там у местных старушек известные ему целебные травы и коренья. Настояв все это в кипятке, велел ему несколько раз в день принимать по столовой ложке. Вот ведь чудо какое — все это пошло впрок больному, и доселе неподвижно лежавший доходяга стал понемногу, мелкими порциями глотать пищу. Но исхудал он неимоверно — кожа да кости остались от прежнего здорового парня. Лагерные медработники признали еле стоящего на ногах трудармейца негодным к тяжелому труду, и было решено отправить его домой. А Миннихмет не знал, как отблагодарить своего благодетеля. “Спасибо тебе, кордаш¹ мой дорогой, если бы не ты...” — прослезившись, так и не смог договорить начатое. А сородич, не скрывая грусти от вынужденного расставания и искренне радуясь за друга, произнес на прощание вешние слова: “Душа благословленная и жизнью вознаграждена”.

* * *

С превеликими трудностями преодолев дальний путь, Миннихмет прибыл, наконец, в родной аул, о котором в моменты душевной грусти любил вспоминать, шуточно припевая: “Идрис ты мой — нет деревни краше, а картошка твоя — нет ее вкуснее!” Не то от радости встречи с мужем, не то от жалости к нему, существу скелету, Магисарвар никак не могла остановить рыдания:

— Что с тобой сделали, что?.. Уф-ф-ф!.. Сердце кровью обливается, будь эта война проклята!

Прибежавшие его сестры Хусникамал и Магинур стали ее успокаивать:

— Слава тебе, Господи, жив-здоров, остальное не так страшно. Не расстраивайся так, невестушка, вот увидишь, поправится вскоре, и телом окрепнет.

А Миннихмет все никак не мог наглядеться на свою дочурку, произнося ласковые слова, поглаживая ее по головке, не переставал ласкать и целовать маленькую. Но та никак не откликалась на ласки, смотрела на него с каким-то удивлением, принимая своего отца за чужого человека. Похоже, успела она его позабыть, поэтому и не признала. “Как же она узнает того, кто столько времени, как зимагор², на чужбине пропадал”, — улыбается Магисарвар. И сама она тоже изрядно похудела. Тяжелая работа в колхозе, бесконечные домашние заботы, что злая старушка-Мэскэй из сказок, высасывали из его кровинушки жизненные силы, но она молодчина, и корову, и кур сохранила. От радости, что муж живым вернулся, пустила нескольких курочек в расход, стала кормить обессиленного супруга наваристым бульоном. Достав прошлогодние соты с медом и пергой, приготовила медовуху, и понемногу наливала этот бодрящий напиток мужу.

Тепло родной земли, постоянная забота жены, вновь обретенное душевное равновесие действовали на Миннихмета лучше всех лекарств, и он всем своим молодым телом ощущал умиротворяющее благоговение, а в первую пору никак

¹ Кордаш — друг, сотрапезник.

² Зимагор — мужчина, покинувший село в поисках заработка.

не мог насытиться благотворным, почти младенческим сном. Как будто таким вот образом его тело избавлялось от последствий тяжелейших нагрузок, длительного голодания и холода, всего пережитого в страшном лагере. Конечно, помог ему восстановиться и целебный мед. Привычная с детства деревенская пища — молоко, катык, сметана, яйца, свежая картошка казались ему теперь райским угощением. Молодой организм быстро пришел в прежнее, естественное состояние. Набравшись сил, Миннихмет поспешил на пасеку, чтобы проведать своих любимых пчел. Старик-пчеловод не мог знать всех тонкостей ухода за ними, поэтому они несколько ослабли, да и меньше стало их. Старик-то сам уже был физически слаб, и сил его не хватало для содержания довольно большого пчелиного хозяйства. Миннихмет несколько дней помогал старику, и исходящее из ульев животворное благоуханье возродило в нем радостное ощущение жизни. Вернувшись из пасеки домой, тут же принялся чинить обветшавшие в его отсутствие ограду и хозяйственные постройки.

Прошло около четырех месяцев после его возвращения, настала горячая пора жатвы — август 1942 года. Миннихмет, как и прежде, работал на пасеке. Двухлетняя Мавлиза ни на шаг не отставала от него. Мать постоянно на колхозных работах. До этого за Мавлизой присматривала пожилая соседская бабка Камила. Она так полюбила общительную девчущку, что то и дело заходила в их дворик, найдя какой-нибудь повод. Сядут вдвоем рядышком, и пошло-поехало — о чем говорят, мало кто, кроме них самих, и поймет. А Миннихмет, в свою очередь, любит наблюдать за этим представлением, улыбаясь и восхищаясь их искренней дружбе.

Но вскоре это спокойное время подошло к концу. Пришла повестка с требованием явиться в военкомат. Когда окончилась проверка состояния здоровья, председатель комиссии вынес решение, от которого вновь заколыхнуло сердце Миннихмета:

— Направляешься в трудовую армию.

— Делайте со мной, что хотите, но в трудармию я больше не пойду.

— Как это не пойдешь? Сейчас военное время. Под военный трибунал захотел?

— Я не умалишенный, очень хорошо понимаю. Лучше отдать жизнь на войне с врагом, чем без толку умереть в трудармии. Отправьте меня на фронт как добровольца! Башкиры, предки наши, были воинами, душой и телом преданные отчизне. Прадеды мои Бикжан Сагитов, Арслан Таймасов были походными старшинами, именно они с сородичами основали нынешние поселения айлинцев, как Тугузлы, Кургаш, Идрис, Арслан.

Члены комиссии переглянулись и умолкли. А председатель заметно смягчил голос:

— Наверное, прадеды твои были здоровыми, отличными воинами. А у тебя ведь зрение плохое. Как же нам в документах написать, что ты годен к военной службе?

— Ничего себе, а как же я тогда вижу мелких пчел в улье, и пчелиную матку могу отличить от рабочей пчелы? Неужели вы считаете, что я не увижу огромного, по сравнению с пчелами, фрица?..

Тут председатель комиссии, улыбнувшись, приподнял правую руку, растопырил пальцы и спросил:

— Ну, раз так, посчитай, сколько пальцев ты видишь?

— Пять! Пять!.. — Голос его прозвучал громко, даже торжественно.

По лицам членов комиссии пробежала одобрительная улыбка. Один из них внес фамилию Миннихмета в список мобилизованных, подлежащих отправке на фронт. Было велено ему прибыть в райцентр через неделю.

Прибыв домой, прежде всего взялся за дела в хозяйственном дворе, до которых до этого не доходили руки. Завершив их, поспешил в сторону леса, где подрастал молодой дубняк. В народе этот лес был прозван странноватым именем Шыбак. Может, лесную просеку так называли, может, кого-то из предков так звали... Говорят, что его дед, известный в округе кураист, любил распевать во время застолий песню, слова которой греют душу и самого Миннихмета:

Срублю дуба крепкого в Шыбаке,
Лес дубовый гулко зашумит.
Приютит если рой пчелиный он,
Песнь моя веселей зазвучит.

Напевая старинные мелодичные песни, спустился ближе к речке, где вечно журчит искрящийся на солнце родник, звучно прозванный Гуптурзяком. “Пусть судьбе моей угодно, чтоб я вернулся в родной аул, еще много-много раз приходил к тебе, чтобы утолить жажду чистой водой”, — с такими думами-пожеланиями он умыл руки и лицо. Босиком перейдя через речку Киги, поднялся на ее высокий левый берег, где все еще на старой улице проживало несколько семей, дошел до речки Карангьелга, а оттуда и до рощи с пасекой рукой подать. Там еще раз, по своему обыкновению, сердечно попрощался с пчелами, попил чайку с медом. В душе его поселилась грусть. Ведь завтра отправится не куда-нибудь, а на войну... Да, верит он крепко в свою судьбу, надеется живым вернуться, но вполне возможно, что и его тело навечно останется на земле чужой, и даже родные люди не узнают, где могила его. В голове — столпотворение от вихря дум и чувств... Все это вылилось в задумчивую песню:

Прекрасны долины красавицы Ая,
Божьей твари здесь приют.
Не сгинет в воде, не сгорит в огне,
Защитит родину джигит.

Подошло время прощания. Магисарвар изо всех сил сдерживает себя, слез не кажет — по древнему обычаю, на проводах мужа на войну жене предпочтительнее не пролить ни капельки своих слез. Приласкал Миннихмет дочку Мавлизу, поцеловал ее в лоб, прижал к груди жену и — зашагал прочь, ни разу не обернувшись назад. Пошел он от деревни на запад, по дороге в сторону возвышенности Мангряутау. И не увидел он, как Магисарвар молча вытирала почерневшее на солнце лицо кончиком платка.

* * *

Мобилизованных из разных районов и городов молодых парней, мужчин более старшего возраста начали спешно готовить к предстоящим сражениям в Алкинском военном лагере. Всем вручили по деревянному ружью. С утра — физическая подготовка. Затем бесконечная муштровка на плацу. Звучат резкие гортанные команды:

- Строиться! Равняйся! Смирно!
- Нале-во! Напра-во! Кру-гом!
- Шагом марш!
- Левое плечо вперед!

- Правое плечо вперед!
- Стой, раз, два!
- Ложись!

Маршировка, продолжающаяся часами, утомляет. Новобранцы ног своих не чувят. При ходьбе строевым шагом штык не должен качаться. Кто не справляется — получает пинок от командира. “Неуклюжий! Баран! Тупой! Ротозей!..” — Такие оскорбления режут ухо, но деваться некуда. Иные башкирские и татарские парни из глубинки плохо понимают путанные разъяснения командира на русском, и им приходится безмолвно выслушивать его матерщину. А тот исключительно груб с ними, любит поиздеваться над тем, кто попадет под его горячую руку, и всех кроет последними ругательствами, если даже нет никакой вины. А по ночам солдаты шепчутся друг с другом:

— Я-то думал, что будут учить стрельбе, разным военным приемам, а тут одно — целый день в строю!

— Разве на войне важно, что ты хорошо владеешь строевым шагом, а какой прок там от того, качается или нет штык твой при ходьбе?.. Никак мне этого не понять.

— А командир орет на нас, словно мы враги какие-то. Ведь нам скоро на фронт, кровь свою проливать, жизни свои отдавать!

— У нас даже со скотиной так не обращаются.

— Встретился бы он мне на передовой, без раздумий пустил бы этого “стервятника” в расход. Одним гадом на земле меньше стало бы.

— Тсс!.. Тише ты. Не дай бог, кто донесет, тогда прощай, бедная твоя голова...

Миннихмет молча прислушивается к таким разговорам, и его донимают беспокойные мысли. Разные люди — разные характеры. Воины, если они ежедневно подвергаются унижениям со стороны своего же командира, с какими же переживаниями отправятся на поле боя?..

Несколько дней подряд солдат обучали быстро перебежать по круглому бревну, положенному поперек довольно широкой траншеи. Земляк Миннихмета, уроженец села Абзаево, — старше всех новобранцев по возрасту, никак не может справиться с этим упражнением так же быстро и ловко, как молодые солдаты. И на него посыпались мат и ругательства, не обошлось без тычков и пинков со стороны командира. К несчастью, в тот день, когда полевые тропинки раскисли под непрестанно выпадающим осенним дождем, неуклюжий солдат раз за разом со скользкого бревна падал в траншею, где воды набралось уже почти до колен. Разъяренный командир, прозванный красноармейцами “стервятником”, вытащив солдата из ямы за воротник шинели, стал яростно распинывать лежащего на краю траншеи несчастного. Побледневшее лицо избиваемого было замызгано грязью, с пол шинели струей стекала грязно-бурая вода. Видать, всякому терпению приходит конец: вставший на ноги солдат, резко повернувшись, ударил в челюсть “стервятника”. Осоловевший от неожиданности офицер схватился за кобуру, страшно прохрипев: “Ах ты, гад! Пристрелю!” Те, кто постарше и посмелее, окружили командира. Провинившегося арестовали и увели на гаупвахту. Занятия были прекращены. Все застыли в безмолвии. Виновного в нарушении воинской дисциплины, тем более, поднявшего руку на командира, расстреляют перед строем, в лучшем случае его отправят в штрафбат. Молча вернулись в казармы. Первым заговорил красноармеец, по возрасту намного старше остальных, с видной, солидной внешностью, с ясным и открытым взором:

— Сами все видели, что произошло, дела хуже некуда. Нельзя соглашаться с произволом, надо спасти нашего товарища. Давайте напишем обращение к лагерному командованию, докажем, что арестованный красноармеец, готовый идти в бой за свою отчизну, был нещадно избит командиром, попросим убрать от нас этого офицера-изверга.

— Согласны! Поддержим! — раздалась возгласы с разных сторон.

Этот смелый человек оказался не только рассудительным, но и очень грамотным, быстро написал от имени солдат обращение. Все поставили свои подписи, никто не отказался. Ждали развязку чрезвычайного происшествия с большим волнением: что же скажут старшие командиры? К счастью, конфликт был разрешен в пользу избитого солдата. Все вздохнули с облегчением. Командиром роты назначили другого офицера, спокойного и доброжелательного. А “стервятник” с того дня исчез из виду, избавив их от своего грозного карканья.

Когда мерзлую землю начал покрывать первый снег, только что сформированную воинскую часть погрузили в теплушки товарного поезда и отправили на фронт. А те полтора месяца, проведенные в Алкинском военном лагере, остались в сердцах красноармейцев как некое мрачное недоразумение, порожденное неразберихой сурового военного времени. А избежавший позора военного трибунала солдат не переставал благодарить своих однополчан:

— Спасибо вам, товарищи мои, тысячу раз спасибо! Избавили меня от позорной и бессмысленной смерти.

— Прощай, Алкино, — ёлкино ты палкино!

* * *

Попривыкнув к ритмичному стуку колес и вдоволь отоспавшись, ехали, коротая время в досужих мужских разговорах. Семейные вспоминали своих детишек, бе спокоились об оставшихся без мужского пригляда хозяйствах, а те, кто помоложе, травили байки о девушках. Да, мужчины начинают лучше понимать цену мирной жизни, когда напавший на страну враг может разрушить все, что до этого казалось привычным и неизменным. Красноармейцы старшего возраста проклинают Гитлера — сущего дьявола. Ждет их впереди кровавая битва, и никто не ведает, кто из них останется жив, вернется под родной кров. Изредка слышны и вздохи: “Думай — не думай, гадай — не гадай, горька доля человеческая”.

Поезд прибыл на довольно крупную станцию. Воинской части было приказано освободить эшелон. Далее походным маршем двинулись в западном направлении, где шли тяжелейшие бои с врагом. Впереди — сражения, огонь и смерть... Вдоль фронтовой дороги — мрачная панорама недавно прошедших в этих местах жестоких боев: пепелища сгоревших или полусгоревших деревень, почерневшие от пламени печи с нелепо торчащими трубами, вереница землянок, откуда стелется по земле сизоватый дым, бесхозные бродячие собаки и кошки... Уже отчетливо слышалась канонада — где-то совсем недалеко проходила линия фронта. Дошли до села, где каким-то чудом уцелели дома.

“Привал!” Красноармейцам было приказано заночевать здесь. Тут же окружили ближайший колодец, желая утолить жажду. Но опущенная кадка не дошла до воды, наткнувшись на что-то. Когда пригляделись повнимательнее, всех охватил ужас... Трупы... Принесли багор, стали доставать тела погубленных. Среди них были и подростки. Сердца сжимались от горечи и негодования, еще не испытывавшие жестоких мук войны солдаты были потрясены:

— Какие дикари!

- Звери!
- Гнусные мрази!..

Подошла сгорбленная старушка в черном платке, которая была свидетелем учиненных фашистами зверств. Оказывается, во время боев близ этого села они понесли большие потери, а при отступлении, схватив нескольких не успевших сбежать в лес сельчан, подвергли казни, и эти жертвы были сброшены ими в глубокий колодец.

Миннихмет и еще 5—6 красноармейцев зашли для ночевки в старенький дом с закрытыми ставнями. Вконец уставшие и проголодавшиеся, решили на ночь подкрепиться сухим пайком, выданным им накануне. Хозяйка, склонив голову, сидела безмолвно на лавке у печки. А лежащие на печке худенькие ребятишки, мал-мала меньше, высунув свои тоненькие шеи, так же безмолвно, но с каким-то обреченным взглядом смотрели на солдат, начавших трапезу. Из приоткрытых детских уст тоненькими нитками потянулись вниз слюньки. У Миннихмета кусок хлеба застрял в горле. С каким сердцем, с каким чувством можно есть хлеб, когда на тебя устремлены голодные взгляды этих несчастных детишек? Достав из вещмешка оставшуюся часть пайка, раздал малым. А у тех засветились искорки в не по-детски печальных глазах...

С утра пораньше продолжили путь. В полдень объявили привал. Маршевики, достав пайки, принялись за еду. А Миннихмет молча наблюдал за товарищами. Один из тех, кто ночевал вместе с ним в том доме, подойдя к командиру взвода, стал что-то ему нашептывать, посматривая в сторону Миннихмета.

— Взвод, встать! В одну шеренгу становись! Смирно! — Командир приказал Миннихмету выйти из строя. У него вдруг потемнело в глазах, вмиг промелькнули какие-то невеселые мысли.

— Красноармейцу Бадретдинову объявляю благодарность за достойное отношение к голодающему населению!

Бодрый, в какой-то мере даже торжественный голос молодого командира привел Миннихмета в себя, а тот с улыбкой протянул ему часть своего офицерского пайка. Красноармейцы вполголоса переговаривались:

— Оказывается, не перевелись командиры, которые понимают простого солдата...

* * *

В это время под Старыми Руссами шли кровопролитные сражения с врагом. Под ногами — заснеженное поле боя. Впереди — враг! Кругом леса, болота. Попробовали окопаться — ямы тут же наполнялись болотной водой. В открытой местности нет никакой защиты от пуль и снарядов немцев. Поэтому расположились в небольшой рощице. В ней не осталось ни одного целого деревца — от взрывов мин и снарядов оторваны их верхушки, тут и там торчат изуродованные стволы молодых сосен. О, Господи! Кажется, что здесь все живое и неживое было подвержено разрушению под беспощадным смерчем войны. Волей-неволей тело пробирает дрожь.

Подползли к самому краю рощи и открыли стрельбу по ориентирам, указанным командиром. Немцы тут же ответили огнем минометов, обнаружив место расположения роты. Мины рвались и впереди, и сзади. Миннихмет зарылся головой в снег у самой вершины развороченной взрывом толстой сосны, а его земляк, знакомый ему еще с Алкино, русский парень из Стерлитамака, выбрал место за большим пнем. Время от времени тот, приподнимаясь с земли, зовет Миннихмета к себе. Наверное, думает, что не так страшно будет, если кто-нибудь

окажется рядом. Какое-то непонятное предчувствие сдерживало Миннихмета, но он, пожалев товарища, решил переползти к нему. Тут и оглушило его раздавшимся рядом сильным взрывом. Приподняв голову, посмотрел в сторону соседа — по снегу, оставляя красно-кровавый след, катилась оторванная от тела голова... Миннихмет в неопишемом ужасе бросился прочь от этого места. Остановила его громкая команда:

— Ложись! Ложись, солдат!

Здесь, на передовой, суший ад! Не чудо ли, что проходят дни, часы, минуты, а ты все еще жив, даже не ранен?.. Смерть — над головой, под ногами, везде. Ведь только что какая-та потусторонняя, мистическая сила увела от Миннихмета, казалось бы, верную погибель.

Рота получила приказ взять небольшую возвышенность, занятую врагом. Растянутой цепью рванулись вперед, прикрепив к винтовкам штыки. Заметившие их немцы открыли огонь из автоматов. То один, то другой, словно споткнувшись об что-то невидимое, со стонами падали на снег. Вдруг кто-то окликнул Миннихмета знакомым, но изнемогающим от боли голосом:

— Ахмет! Миннихмет!

На снегу, мгновенно покрасневшим от обильной крови, лежал его русский земляк из соседнего села Леузе. Хотел было перевязать его рану, но раздался яростный голос командира:

— Вперед! Вперед!..

Земляк его, корчась от нестерпимой боли, продолжал отрывисто звать на помощь:

— Как же больно! Не оставляйте меня. Лучше пристрелите! Пристрелите!..

У солдата уже не было сил, чтобы перевязать рану. Вскоре обескровленное тело застыло, только все еще открытые глаза его были устремлены в низкое зимнее небо.

* * *

В полночь около 80 красноармейцев были срочно построены для оглашения нового приказа из штаба полка. Прибывший оттуда старший офицер сам довел до них суть боевой задачи, подчеркивая важность ее точного исполнения:

— Перед вражескими укреплениями установлено заграждение из колючей проволоки. Вам предстоит в указанных местах сделать широкие проходы, чтобы обеспечить наступление наших войск, намеченное на завтра. Все надо успеть сделать до рассвета.

Декабрьская ночь, темно. Наверное, немцы спят. Сначала тихо шли. К заграждениям добрались уже ползком, стараясь остаться незамеченными. Резали колючку, лежа на спине, то и дело цепляясь рукавами шинели за нее, рани ладони и пальцы. Не заметили, как быстро прошла ночь, стало светать. Немец, это исчадие ада, все-таки обнаружил их. Что тут началось! Нейтральная полоса содрогалась от мощи ураганной стрельбы. Сначала в спину Миннихмета врезался осколок мины. Достав припасенный заранее бинт, попытался перевязать рану. Но тут же от резкого удара жгучей пули потерял сознание.

Сколько времени он пролежал на нейтральной полосе, неизвестно, но, когда пришел в сознание, ему показалось, что его куда-то несет по течению. Но что же скрипит под ним? Небо в черном дыму. То и дело что-то взрывается, словно

гром гремит. О, Господи, он видит и слышит... Течение остановилось. Перед его глазами возникло лицо незнакомого человека, который немигающим взглядом всматривался в него. В маскировочном халате, санитар что ли?.. Миннихмет застонал.

— Слава Богу, еще жив, жив, — сказав это, зашагал еще проворнее, стараясь не сотрясать деревянные санки. Вскоре раненый опять впал в забытие. Когда добрались до полевого госпиталя, Миннихмет снова открыл глаза. Обращаясь жестами к своему спасителю, указательным пальцем притронулся к кармашку гимнастерки. Там было немного денег. Чуть шевеля сухими, посиневшими губами, прошептал:

— Бери, бери... Они уже мне не нужны...

Выбежавшие навстречу санитары, уложив раненого на носилки, тут же внесли его в утепленную палатку. Военный хирург осмотрел раны, обратив внимание на то, что Миннихмет прямо на глазах побелел, как мел.

— Немедленно организуйте переливание! Много крови потерял... — Эти слова Миннихмет услышал, впадая в какое-то неведомое ему ранее состояние, когда внезапно исчезла мучительная боль, стало легко, и он уже весь был воздушным.

Медсестра, схватив безжизненно повисшую руку солдата, воскликнула:

— Пропал пульс, он умирает... Он уже умер, не успели...

Никто не поверит, но в этот момент не то еще живого, не то уже мертвого Миннихмета окружили какие-то светлые существа, излучающие животворную энергию. И, как наяву, говорят ему:

— Папа, не покидай землю! Я — твоя будущая дочь Аниса. Буду, как и ты, петь песни, детишек в школе стану учить грамоте.

— Я — сын твой, Галияхметом назовешь. И, если не угасну рано, певцом стану.

— Не уходи, останься!.. Я — Салимьян твой, от тебя унаследую душу поэтическую. Когда-нибудь у меня родятся строки, посвященные тебе: “Почернеет земля от вражьей крови, но кровь отца ее возродит”.

— Я — любимец твой Валияхмет. В Москву поеду, буду тайны души человеческой и секреты духа познавать.

— Я — дочка твоя Файруза, а это я — младшенький Ахметдин...

— И родятся у тебя много внуков и внучек, станут они достойными тебя людьми. Живи, поживи еще на радость близким и родным!..

— А мы — пчелы твои. Не оставляй нас одних. Ты же обещал вернуться!..

Внезапно операционная была оглашена возгласом медсестры:

— О, Боже!.. Он ожил... Воскрес... Поистине воскрес!..

Оказывается, душа благословленная может вернуться оттуда, откуда возврата нет. Только следы от ран, как метки судьбы, будут напоминать выжившему об этом чуде.

Повеселевший хирург, тщательно очистив, зашил рваную рану над застрявшем между позвонками осколком, затем щипцами достал тяжелую, наполненную свинцом пулю. От резкой боли Миннихмет окончательно пришел в себя.

— В рубашке родился, солдат, на свет заново появился. Будешь жить. Сохрани на память! — Сказав это, доктор протянул ему окровавленный отрезок бинта с завернутой в него пулей.

Спустя пять-шесть дней в полевом госпитале началась невообразимая суматоха, словно ожидалось приближение урагана. Шум, гам, беготня, доктора на бегу отдают распоряжения санитарам. Что случилось? Не пожар ли? Может везут какого-нибудь большого командира, получившего ранение?.. Наконец, кто-то громко объявил причину происходящего:

— Немецкие танки прорвались!..

У кого руки-ноги целы, кто может встать с постели, начали торопливо одеваться сами. Тяжелораненых спешно уносили к санитарным самолетам. Миннихмет даже на бок повернуться не может, лежит и слушает доносящиеся до него разговоры:

— Кончились места в самолетах.

— Погружайте в машины! Быстрее! Как можно быстрее!

Видать, положение критическое. Сильно отекавшие ноги Миннихмета не влезали в солдатские ботинки, и его, не обутого, отнесли на кузов грузовика. Спешили, но поднимали аккуратно, и все же Миннихмет застонал от боли. Тут же тронулись с места. Тряска причиняла боль и страдания. Вдобавок, стали мерзнуть босые ноги. Сколько им ехать? Может быть, очень долго. Донимают страшные мысли. Если замерзнут ноги?.. Тогда их просто отрежут. Как же он будет жить потом? Кому нужен безногий калека? Что же делать?.. От безысходности, боли и досады стоны Миннихмета перешли в крик:

— Ноги мерзнут! Замерзнут ноги мои! Мочи нету! Укройте чем-нибудь! Укройте, пожалуйста!

Наконец, один из лежащих рядом раненых, подтянувшись на руках, смог прикрыть полузамерзшие ноги Миннихмета одеялом. По небритым его щекам потекли слезы...

— Спасибо, браток. Спасибо!

— Ладно, успокойся...

Уже смеркалось, когда машины остановились. Открыв кузова, раненых быстро выгрузили, уложив рядами на землю, и так же быстро уехали. Как и другие, Миннихмет лежал на снегу, только босые ноги его виднелись из-под наспех наброшенного одеяла. Невдалеке были смутно различимы дома. Когда стал мерзнуть, закричал снова изо всей силы:

— Помогите! Помогите!..

К счастью, вскоре появился белобородый старичок, казавшийся продрогшему раненому самим святым Хызыр-Ильясом и, обернув его босые ноги одеялом, завязал его сверху бечевкой. Через некоторое время, уложив его и других раненых на санки, куда-то повезли. Скорее всего, в ближайший госпиталь. Несмотря на то, что от долгого лежания на снегу все тело пробирала дрожь, Миннихмета грела одна и та же мысль:

— Не замерз ведь, спасен я, жить буду, жи-и-ть...

То ли явь, то ли сон... Куда ни гляди — сочная зелень. Качаясь под дуновением ласкового ветра, приветствуют веточками своими белые березы, ласточки, пролетая низко над головой, его встречают. Да ведь это его пасака! Будто бы стоит Миннихмет по пояс в высокой траве, на цветущей лесной поляне. И поют пчелы понятную только ему песню, в их бодром жужжании он слышит слова, обращенные к нему: “Ж-ж-живи! Жи-в-в-в-и!” И будут они вечно любить омытые божественной небесной влагой, ласкающиеся в лучах солнца цветы, не переставая собирать живительный их сок.

Перевел с башкирского Валиахмет БАДРЕТДИНОВ.